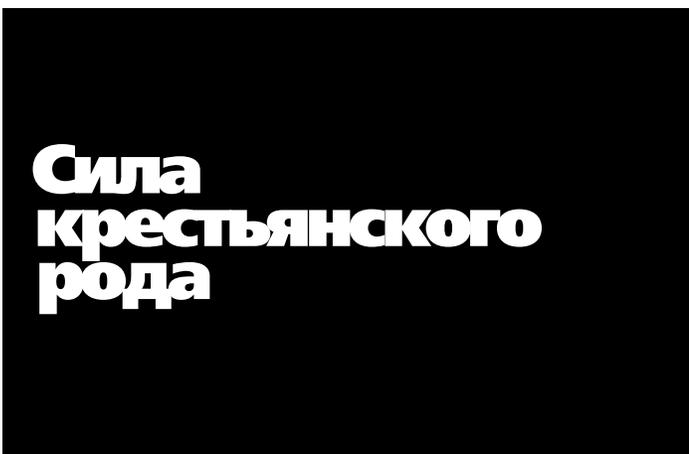

Ведущая
рубрики —
Марина
Балашкина,
историк-династиевед,
директор
Центра
практической
истории,
г. Барнаул,
hist_center@mail.ru

В предыдущих номерах мы беседовали с потомками дворян, казаков, купцов и представителей духовенства. Между тем, большинство жителей нашей страны имеет крестьянское происхождение. Мне как историку и как человеку достаточно сложно осмыслить историческую ретроспективу, связанную с крестьянскими корнями. Крестьянские истории, пожалуй, являются наиболее неожиданными, непредсказуемыми, благодаря событиям, произошедшим

Любовь Березина,

председатель комитета
по культуре администрации
г. Новоалтайска Алтайского края,
в 1988-2003 гг. — директор
Норильского Заполярного
театра драмы им. В.В. Маяковского

1.

1. Семьи матери и отца Л.М.Березиной до раскулачивания. На фото слева: старшая сестра мамы Л.М. Березиной Анастасия Зайцева, мама Л.М. Березиной — Мария Зайцева, дядя Л.М. Березиной — Николай Зайцев. На фото справа: отец Л.М. Березиной Михаил Новиков (второй слева в нижнем ряду, следующий за младенцем, у него босые ноги) с бабушкой и родными братьями и сестрами.

— Любовь Михайловна, что означают для Вас понятия «род» и «династия»? Значимы ли они в Вашей жизни?

Для меня род — это моя родословная, которую в последнее время я стремлюсь изучать. Династия для меня связана с передачей основного занятия по наследству — существуют династии учителей, династии врачей. Я не из династии. А корни свои я хотела бы знать. Плохо, когда это приходит поздно, когда уже не у кого спросить, нет в живых родителей. Поэтому думаю, нашим детям нужно пораньше задумываться о своих корнях. В детстве нам не прививали такого интереса, нас не воспитывали на семейной истории, я никогда не

в XX веке — коллективизации и раскулачиванию, массовым высылкам, репрессивным мерам. Многие судьбы были изломаны, изменены кардинально. Люди были вынуждены поменять место жительства, начать заниматься другим делом, сменить хозяйственный уклад, оторваться от земли. Тем важнее становятся истории их детей и внуков, которые уже не

считают себя крестьянами. Но, благодаря впитанному с детства трудолюбию и целеустремленности, своими делами продолжают историю рода. Сегодня мы беседуем с Любовью Михайловной Березиной, 15 лет возглавлявшей единственный в мире Заполярный театр драмы в Норильске, оставившей кресло директора театра на пике славы,

чтобы вернуться на родину, на Алтай. Мы вместе попытаемся осмыслить непростую историю крестьянского рода, понять, в чем сила этой истории, и что важно воспринять из нее ныне живущим и будущим поколениям, крестьянами совершенно уже не являющимися.

задумывалась, какого я рода. Начала задумываться, может, лет десять назад, когда всё было безвозвратно утеряно...

Мне очень повезло, у меня есть дядя Николай Степанович Зайцев — мамин брат, который пишет воспоминания об истории рода. Во многом благодаря ему мы знаем историю рода по маминной линии.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА

— Расскажите, пожалуйста, из чьего Вы рода? Какие сюжеты семейной истории Вам известны?

По линии мамы и отца предки были крестьянами. По материнской линии мы из

Сила крестьянского рода

1. Николай Степанович Зайцев.
60 лет Победы. Май 2005 года.
Нью-Йорк. Фото из архива Н.С. Зайцева.

2. Анкета Всероссийской сельско-хозяйственной,
земельной и городской переписи 1917 года.
Карточка на семью Кузнецова Тараса
Федотовича (прадед Л.М. Березиной).
ЦХАФ АК. Ф.233. Оп.1. Д.542. Л.385.

Игнатенко-Зайцевых. Прабабушка и бабушка когда-то рискнули по бедности на Украине испытать судьбу в поисках лучшей жизни в суровом сибирском краю. Деревня Васильчуки, куда они прибыли переселенцами, находилась на границе Алтайского края с Казахстаном, в Кулундинских ковыльных степях. Прадед Тарас был крепок и в жизни удачлив. Он брался за любое дело, и оно у него всегда спорилось. Мог срубить дом, пахать, бороновать, косить, на любого зверя охотиться, сложить русскую печь. Наша прабабушка Мария слыла в округе прекрасной портнихой и рукодельницей. Она этому ремеслу научила свою единственную дочь, мою бабушку, подарила ей ножную швейную машину «Зингер». По семейным преданиям, прабабушка организовала в Васильчуках ателье. К 1917 году домашнее хозяйство прабабушки и прадедушки насчитывало 102 десятины обрабатываемой земли, 106 голов скота.

Бабушкамоя, Кузнецова Фёкла Тарасовна, родилась в 1895 году еще на Украине, в Полтавской губернии, Миргородском уезде, село — чуть ли не Диканька или где-то близ него. Словом, в гоголевских краях. Типичная украинка — ниже среднего роста, черноволосая всю жизнь, живые карие большие глаза, правильные черты лица с добродушной улыбкой. В 1912 году бабушка вышла замуж за Зайцева Степана Давидовича.

Дед, Зайцев Степан Карпович, родился в 1892 году в Курской губернии. Его называли курским соловьем за прекрасный голос, русские и украинские народные песни. Знал он их очень много, пел охотно, с душою. В молодости бабушка и дедушка пели в церковном хоре.

Прадед Тарас и прабабушка Мария помогли бабушке и дедушке построить дом, где родились дети. Моя мама — Мария — была самой младшей. По воспоминаниям дяди, дом, в котором они жили до раскулачивания — добротный сибирский пятистенник с подвалом — был окружён жердевым забором. Во дворе размещались два длинных бревенчатых сарая под толстыми соломенными крышами и амбар. В одном хранили зимой сено, солому и другой корм для скота. Другой, соединённый с сенями дома, делили на части. В них содержались отдельно лошади, коровы, свиньи и овцы. В центре

империи и производило половину товарного хлеба. Кулаки, которых в народе называли мироедами, кроме больших наделов земли и многочисленного подворья из домашних животных и птицы, имели сельхозмашины и механизмы. Наёмный труд использовался широко. Батрачил и наш дед, нанимаясь временно к богатому соседу, чтобы заработать право воспользоваться, к примеру, его конной косилкой. Семье и домашнему хозяйству с трудом хватало заготовленного от урожая до урожая.

Помогали опустошать амбары насильно и ежегодно то продразвёрстка, то непомерные налоги без скидки на погоду сезона, урожайность и количество едоков в семье. Вооружённые группы во главе с уполномоченными, по рассказам бабушки, требовали:

«Где зерно? Выкладывай всё!.. Не выложишь — загоним в кутузку или на тот свет!»

— **Кем были Ваши предки по линии отца?**

А по линии папы история уводит нас в деревню Петропавловка в Алтайском крае. Он из рода Пахомовых-Новиковых. Я — урождённая Новикова. Они тоже были крестьянами. И папиных, и маминих родителей в 1930-х гг. раскулачили.

ИЗГОИ СТАЛИНСКОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

— **Как это произошло? Что стало с семьёй после раскулачивания?**

Более подробно я знаю историю по материнской линии. В начале 1930-х годов

Сила крестьянского рода

1.

1. Новоалтайск, 1963 год.
Семья Любы Новиковой:
отец — Новиков Михаил Агафонович,
Люба Новикова,
дядя Николай Степанович Зайцев,
мама Мария Степановна Новикова,
сестра Елена,
бабушка Фекла Тарасовна Зайцева.
Фотография из архива Л.М. Березиной.

в Васильчуках стали организовывать комму-ну. Условием вступления была передача собственности крестьянских хозяйств в общее пользование. В случае отказа семью насильственно выселяли из дома, лишали всей собственности. Семью дедушки и бабушки с малолетними мамой, дядями и двумя старшими сёстрами выселяли из дома дважды.

Когда их первый раз выселили из дома, деда почему-то не было. Бабушку с детьми переселили в сарай, а в их доме сделали сельсовет. Бабушка написала письмо Калинин, от которого вскоре пришел ответ-распоряжение: женщину с детьми вернуть в дом. И дом вернули. Но затем, во второй раз, семья была вынуждена покинуть родной дом навсегда. Дед рассказывал дяде, как разговаривал с глазу на глаз с деревенским коммунарком — середняком Егором. В памяти сохранился этот короткий разговор, не оставляющий права на выбор: «Степан, поймей ввиду, Ленин написал, что надо уничтожить частную собственность в городе и в деревне. Потому всё переходит в руки рабочих в городе и крестьян — в деревне. Революция дала власть нам, беднякам и середнякам. Мы в Васильчуках у всех забираем в коммуноу землю, скот, косилки, сепараторы, плуги, бороны, мельницу, молотилки, сепараторы, маслобойку. У нас не будет частника с его собственностью, не будет кулаков, середняков и бедняков. Все станут коммунарками! Мы, как один, сравняемся по богатству! И всё будет наше, коммунарское, общее. Эх, Степан! Все богато заживём! Аж дух захватывает! А коммуне потрібна твоя хата под контору и двор на краю деревни с сараями для скота. Вступай в коммуноу, сдавай нам своё хозяйство! Потом живи богаче, чем раньше. Не вступишь — раскулачат, хоть ты и не кулак, всё заберут, семью выгонят из Васильчуков и жёлтый билет в придачу на кочевую жизнь дадут. Твой родич, Игнат, уже получил его, сухари сушит на дороге».

В коммуноу дед и бабушка не вступили. Ираннимайским утром всей семьёй с маленькими детьми навсегда покинули родной дом. За несколько недель до этого в Нарымской ссылке оказались наши прабабушка Мария и её муж Тарас, где они и погибли. Семья моей мамы уехала по Турксибу сначала в Алматы, где у нас были родственники. Чтобы устроить жизнь семьи на новом месте, деду предлагали вступить там в казачье войско. Но

атаман, узнав, что дед — из кулаков, сказал: «Тикай видсия, бо лапы комиссарни дуже длинночи». И семья вынуждена была уехать по Транссибу на станцию Кузедеево — будущий город Прокопьевск Кемеровской области. Жили в маленькой комнатке в рабочем бараке. На Кузедеево уже началась стройка века. Дед устроился в бригаду строителей станционных железнодорожников, а затем стал стрелочником и маневровым составителем эшелонов и поездов. Но кулацкое клеймо не позволяло долго задерживаться на одном месте. Над семьёй постоянно висела угроза расправы. Тогда дед Степан в 1932 году написал письмо в Новосибирск первому секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) с просьбой отменить несправедливое раскулачивание семьи, разрешить возвращение в с. Васильчуки в свой дом и вернуть хотя бы малую часть конфискованного при раскулачивании. Ответ был больше, чем счастье: «Отменить раскулачивание середняка села Васильчуки Зайцева С.К. с семьёй».

—Разветакое было возможно? Вернулась ли семья Вашего деда в Васильчуки?

Дед собрал семью, и они отправились на родину. В саму деревню въезжать не стали, остановились в соседней — в Мышкино. Дед с ответом из Новосибирска пошёл в Васильчуки в сельский совет. Вернулся дед очень хмурый и сказал: «Мне в сельсовете показали дулю, ничего не вернут. И письмо из Новосибирска не вернули. Мужик, пришлый, его раньше в деревне я никогда не видел, схватил за грудки и закричал во всю глотку: «Убирайся, кулак, пока цел! Здесь власть — мы, беднота! Бежи, мироед, без оглядки! Нарымские нары — твоё село и твой дом!» После этих событий семья вновь была вынуждена искать новое место жительства и в 1935 году осела на станции Алтайская — в будущем городе Новоалтайске. В дальнейшем мама и её старшая сестра Анастасия всю жизнь прожили и проработали в Новоалтайске. А два брата во время Великой Отечественной войны поступили в артиллерийское училище в Томске, прошли всю войну и стали кадровыми военными. Старший брат — Иван служил в Одессе и там же и похоронен, а средний брат — Николай служил в Кишиневе. Когда распался Советский союз, дети увезли его

в Нью-Йорк. И там он пишет воспоминания об истории нашей семьи.

— **Каково Ваше отношение к тем далёким событиям?**

Я считаю, что моим дедам несправедливо изломали жизнь. С семьёй отца произошло всё то же, их семью раскулачили. Папа мне всегда рассказывал, что самое активное участие в раскулачивании принимали те, кто не хотел работать — лентяи. Эта тема в нашей семье не замалчивалась. В детстве мне было обидно. Я знала, что где-то есть место, где мы могли бы жить. Но потом я подумала, может быть, всё хорошо? Потому что папу выгнали из одной деревни, маму — из другой, и они встретились!

НОВАЯ ЖИЗНЬ В НОВОАЛТАЙСКЕ

— **Расскажите, пожалуйста, кем были Ваши родители? Как они познакомились? Как создавалась новая семья?**

Мама 40 с лишним лет проработала медсестрой, папа работал на Алтайском вагоностроительном заводе, он был начальником участка, мастером, потом — заместителем начальника цеха. Обычные рабочие люди. Познакомились так. Мама жила по улице Ефремова, а папа работал в пожарной части неподалёку. Он учился в Киселёвске в горном техникуме, а на каникулах приезжал домой и подрабатывал. Отец стоял на пожарной вышке и увидел дым. Был сентябрь, люди собирали и сжигали листву. Они с напарником пришли

Сила крестьянского рода

1.

2.

1. 30 сентября 1997 года в Норильском театре драмы состоялась встреча со зрителем Григория Израилевича Горина. Фото из архива Л.М. Березиной.

2. Норильский Заполярный театр драмы им. В.В. Маяковского.

на дым и решили провести профилактическую беседу с девушкой, которая разжигала костёр вблизи от забора. Девушкой оказалась моя мама. В августе следующего года родители поженились.

После свадьбы уехали в Киселёвск, там родилась я. После окончания техникума мама упростила отца не работать шахтёром. Родители вернулись в Новоалтайск. Мама устроилась в поликлинику, она была основателем лаборатории, которая сегодня превратилась в диагностический комплекс. А папа — на вагоностроительный завод. Бабушка жила с нами. Она меня вырастила по большому счёту.

— Как Вас воспитывали? Было ли бабушкино и родительское воспитание каким-то особенным?

Бабушка — мамина мама — была белошвейка. Она обшивала всю деревню, потом, когда переехали в Новоалтайск, она до последнего шила, стегала красивые одеяла. Я её без иголки и наперстка просто не помню. Это ремесло, переданное ей по наследству от прабабушки. Бабушка хорошо вязала, вышивала, я храню её вышивки. Она и нас с сестрой учила вышивать и вязать.

Родители тоже многому меня научили. Папа научил меня видеть и слышать природу. Он был заядлый грибник. Когда мне говорят: вспомните самый счастливый момент вашей жизни, я вспоминаю, как мы с папой осенью в сентябре поехали за опятами. Он расстелил плащ-палатку, мы перекусили, легли на плащ-палатку. И смотрели на желтые деревья, облака над головой. Мы с ним фантазировали, какое облако на что похоже. Моя любовь к природе — это от папы.

Папа и мама всегда всё делали вместе, это передавалось и нам. Это самое важное, что я почерпнула.

— Считаете ли себя продолжательницей крестьянской истории?

У меня история своя, я горожанка в первом поколении. Хотя очень люблю землю и не бросаю огород, получаю от этого удовольствие. Большею частью там растут деревья и цветы. Жилка крестьянская — всё предусмотреть — это в крови, никуда не денешь. Поэтому в какой-то степени я — продолжатель.

И тому, и другому роду пришлось сложно, они прошли коллективизацию, раскулачивание, но всё равно люди не потерялись. Вырастили детей, нашли в себе силы развиваться дальше. Поэтому у меня генетически заложено умение не сдаваться и не покоряться судьбе. У меня есть принцип, который я ни от кого не слышала, но всегда говорю людям, с которыми работаю, своим подчинённым. Нельзя говорить: «Не могу». Нет ничего невозможного. Нужно просто правильно поставить себе цели, задачи и уметь их реализовать. Как только человек говорит: «Нет, я этого не могу», — он сразу расписывается в собственной беспомощности. И оправдывает её. Слова «нет» я не принимаю. Всё можно сделать. Невыполнимых дел просто не бывает. Может быть не сегодня — завтра, послезавтра, но к поставленной цели нужно идти и достигать её.

НОРИЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ

— Сегодня Вас знают как успешного управленца. А с чего началась эта история? Как Вы оказались в Норильске?

Это случилось в 1978 году. Мне было 23 года. В Норильск я убежала от мужа после развода. И я, и мои родители понимали, что жизни мне он не даст, будет преследовать, надоедать. Поэтому было принято решение отправить меня в закрытый город, куда он приехать не сможет. В Норильске жил троюродный папин брат. Меня очень быстро туда снарядили. Новоалтайск в те времена был больше похож на посёлок городского типа. А в Норильске уже была цивилизация. Если в Новоалтайске редко можно было найти улицу, где было бы освещение, то Норильск весь сиял и сверкал. Полярной ночи для меня тогда не ощущалось. Витрины магазинов были расцвечены неонам, магазины все в мраморе. Это был настоящий город с театром, филармонией, там был шикарный дворец культуры... Но всё-таки Норильск был незнакомым городом, жутко загазованным. В течение первого года я утешала себя мыслями, что всё успокоится, и я обязательно вернусь. Случилось так, что я прожила в Норильске 25 лет, и все 25 лет меня тянуло на родину.

— С чего начиналась Ваша карьера в Норильске?

По образованию я учитель химии и биологии. Свободных мест в школах в Норильске не было, учителя получали хорошую заработную плату. Поэтому я пошла работать воспитателем в мужское общежитие. В 1980 году второй раз вышла замуж, и муж запретил мне там работать. Я пошла инструктором по производственной гимнастике на агломерационную фабрику. Но мой характер и энергия не дают мне спокойной жить. Если я работала в общежитии — это должно было быть лучшее общежитие. Если я пошла работать инструктором по спорту, значит, у меня должны быть лучшие команды. И, конечно же, я пропадала на спортивных площадках. В советское время полагались занятия производственной гимнастикой. В 11.45 останавливается производство, все занимаются гимнастикой. Этого,

Сила крестьянского рода

конечно, никто не делал, но в мои функции входила организация спортивных соревнований внутри фабрики и участие в городских соревнованиях по всем видам спорта. Я добросовестно выполняла свою работу, но чувствовала, что она не моя.

Обратилась в горком комсомола: вот приехала я на север, и севера этого не вижу. Они мне говорят: «Хочешь увидеть Север? Поехали в тундру!»

Так я оказалась поваром на буровой. Нас на вертолёте выбросили в тундру, мне нужно было кормить 20 мужчин. Стояло лето. Из продуктов нам выдали только солёную баранину и рис. Хлеба не было. Вот чего я не умела делать — это печь хлеб. Потом научилась. Я этих 20 мужиков кормила, пекла им хлеб, вымачивала в ручье мясо, привязывала его на веревочке, научилась делать голубцы из тушёнки. У меня на буровой у первой появился холодильник. Я добилась того, чтобы нам выделяли фрукты и овощи, потом начали выдавать салфетки, майонез, сметану.

А когда я начала печь тортики, пирожные, печенье — мужики у меня взбунтовались: «Вот, мы сейчас торты тут едим, а потом будем платить сумасшедшие деньги». Но видно моя крестьянская жилка, способность по-хозяйски использовать то, что тебе дано, и здесь не подвела. Дороже рубля обед у меня никогда не стоил при норме не более двух рублей по себестоимости.

Проверяющих всегда привозили на нашу буровую, потому что у нас кругом были салфеточки, выпечка. Я четыре года отработала и всё, что могла там сделать — сделала. А потом началась рутинка. Уже преодолеть ничего не надо. И я опять обратилась в горком комсомола: «Я уже северное сияние видела такое, что все небо полыхает, и на тракторе ездить научилась, и от медведя бегала, и рыбу ловила. Романтики наелась, хочу нормально жить и работать».

— Как Вы попали на работу в театр?

Я очень часто ходила в театр, смотрела все спектакли. До этого я бывала в театрах Барнаула, Новосибирска. Все они были похожи один на другой. Во всех театрах ставились одни и те же пьесы. Министерство культуры давало перечень пьес, которые можно было поставить. Все ставили Чехова, Горького, Шатрова. Обязательно в репертуаре должна

была быть пьеса о Ленине, обязательно — про партию. Разница была в том, что где-то художник получше декорации сделал, где-то актеры более достойно сыграли.

В Норильском театре контролёром работала моя подруга. Она меня и уговорила. Так я стала уполномоченной по реализации билетов. Скоро поняла, что существует своеобразная мафия. Есть зав. билетным столом, которая делает вырезки театральные билетов. И на этой вырезке могли быть первые ряды, а могли быть — только последние. У меня были как раз такие: 18 и 19 ряд. Я стала работать со школами. Взяла три-четыре спектакля в один месяц, в следующий. Мы с детьми после спектакля обсуждали сюжет пьесы, игру актеров, делились впечатлениями.

Вскоре мне предложили должность главного администратора. Задача тогда была одна — наполнить зал зрителем. Но, к сожалению, люди, которые ставили эту задачу, не понимали, что нужно что-то изменить внутри театра, чтобы зритель пошел самостоятельно.

— Как Ваши родители отнеслись к Вашей новой работе? Ведь никто в семье до этого не работал в театре?

В детстве я ходила в драмкружок в доме пионеров. Будучи пионеркой и комсомолкой, я была единственной ведущей всех слетов, смотров, городских мероприятий. Мне очень хотелось быть диктором на телевидении, я даже пыталась принять участие в конкурсе. Мама меня отговаривала, рассказывала, что люди творческие не имеют постоянной семьи, ведут неправильный образ жизни. В общем, когда-то она меня отговорила, и я поехала поступать в педагогический институт. Но когда она узнала, что я работаю в театре, она сказала: «Я знала, что рано или поздно это произойдет!» Переживала за меня. Ну, а когда начались успехи в театре, родители, конечно, радовались, гордились.

— Как Вы стали директором Норильского театра?

В 1989 году руководство предложило мне стать заместителем директора театра по организации зрителя. У директора к театру душа не лежала. Он все время был то в командировках, то в отпуске, то на больничном. Уже сама став директором, я поняла, что еще будучи заместителем, выполняла многие

директорские функции. Нужно отдать ему должное, директор был самокритичным человеком. Когда мы с ним прощались, он вышел на сцену перед зрителями и сказал: «Театру очень повезло, потому что я все эти три года не работал директором театра. Поэтому в театре начался подъём».

То время было еще коммунистическое, но уже начались послабления. Норильск был закрытым городом, мы тогда могли себе позволить поставить «Самоубийцу» Николая Эрдмана, когда ни один театр не мог себе этого позволить. Нам удавалось с горьком партии договариваться, они ставили закорючку, что это позволено.

— Как мы помним, главная задача заключалась в том, чтобы зритель пошел в театр. С чего Вы начали свою работу?

Мы начали уважать зрителя, который пришел. Раньше в театрах было негласное правило: если 13 зрителей находится в зале — спектакль отменяем, а если 14 — играем. Мы решили, что этого делать не нужно. Когда 50 градусов мороза на улице плюс ветер метров 25 в секунду. Представьте, что некоторые люди в такую погоду приходят в театр. Приглашали собравшихся зрителей поближе сесть. Говорили о том, что они — наши самые замечательные зрители, герои, что в такую погоду пришли смотреть спектакли. Этот слух по городу очень быстро распространился. И постепенно люди дорожку в театр стали протоптывать. Отдельно хочу отметить, что театру очень повезло, что пришел Александр Зыков — человек очень творческий. Без режиссера, конечно, ничего бы не произошло.

Поменяли репертуарную политику. Зритель должен приходиться в театр как в сказку. Мы делали специальные вечера для зрителей, устраивали празднование Рождества, капустники после спектакля, гусарские балы, проводили зрительские конференции. Беседовали и через газету, на телевидении.

Параллельно нужно было преобразовать внутреннее убранство театра. Сил было вложено много. В этом очень активно помогали городские власти. У нас был замечательный глава города Ткачев Василий Фёдорович, который всячески старался помочь. С его помощью мы сделали отопление в театре, ремонт. Потом губернатор Красноярского края Александр Иванович Лебедь дал денег на одежду

сцены. Новый глава города Бударгин Олег Михайлович вместе с комбинатом выделили средства, и мы полностью заменили свето-и звукотехническое оборудование.

Так мы приучали людей ходить в театр. Стали возникать ситуации, когда пять дней невозможно попасть на премьеру. Помимо классики, мы стали ставить спектакли по пьесам Юлиа Кима, Григория Горина.

— Практически все пьесы Григория Горина были поставлены в репертуаре Норильского театра — «Кин IV», «Чума на оба ваши дома», «Королевские игры», «Забьть Герострата», «Шут Балакирев». Расскажите, с чего всё начиналось?

— Мы начали ставить спектакли по пьесам Г. Горина в 1993 году. В то время их ставили,

пожалуй, только в Москве. Начали работать с пьесами, не спрашивая согласия Григория Израилевича. Хотя в те времена этого и не требовалось. Потом мы решились его пригласить, чтобы он дал оценку тому, что делаем, режиссёр Александр Маркович Зыков спрашивал разрешения сделать небольшие изменения в пьесах. Где-то актеры играли по-иному, где-то нужно было усилить эмоции. И Григорий Израилевич, посмотрев наши спектакли, сделал изменения в своих пьесах.

Рукопись последней своей пьесы — «Шут Балакирев» — он отдал лично в руки Зыкову. Мы поставили ее первыми, параллельно с Ленкомом, для которого она и была написана.

— Театр — это большое дело жизни, которым Вы занимались. Почему Вы уехали из Норильска в зените славы? Как произошло расставание?

Человек, живя в Норильске, живёт отложенной жизнью. Чтобы раньше выйти на пенсию, нужно было проработать на севере 15 лет. Каждый думает: «Вот потом мы приедем на материк и заживём». Это состояние угнетает. Мне хотелось какое-то время пожить на материке сознательно, не просто старушкой. Я понимала, что мне уже можно уезжать, но бросить восстановление театра я не могла. Поэтому я поставила перед собой задачу закончить эту работу и, собрав однажды своих замов, дала им обещание покинуть Норильск после того, как все работы по зданию будут завершены. В течение пяти лет готовила себе заместителя.

В 2001 году театр отметил 60-летний юбилей. Всё прошло замечательно. Развитие театра было на пике. Я планировала уехать летом 2002 года, уже собрала контейнер. А 19 марта 2002 года в театре произошёл пожар. Он начался в пустом зале за 5 минут до начала первой репетиции спектакля «Забьть Герострата» и за два дня до приезда в Норильск президента РФ В.В. Путина. Выгорел полностью зал, все наши новые кресла, оборудование, сцена. Поначалу говорили о том, что Березину надо посадить, что недосмотрела, мол, произошло короткое замыкание. В конечном итоге выяснили, что это был поджог, нашли виновного. А мне пришлось отложить свой отъезд. Через девять месяцев мы полностью восстановили театр. И я уехала.

**Сила
крестьянского
рода**

НА АЛТАЙ! НА РОДИНУ!

— **Было ли тяжело расставаться с театром?**

Тяжело — это ничего не сказать. Это волевое усилие, сила воли, слава Богу, у меня огромная. Когда я приняла решение уехать из Норильска, меня приглашали в Москву, в Красноярск. Но я хотела на родину. Вышла на пенсию, жила в Новоалтайске и четыре года вообще не работала нигде. Не понимала, как можно пойти куда-то после того, что было. Но ... энергия еще кипит и бурлит!

— **И Вы на пенсии не усидели? Как Вы стали председателем комитета по культуре Новоалтайска?**

На эту должность я тоже попала случайно. Моя сестра развернула городскую газету и говорит: «Может тебе хватит сидеть дома? Объявляется конкурс на замещение вакантной должности председатель комитета по культуре».

Я подала документы. Через месяц пришла на собеседование в полной уверенности, что меня на неё не примут. Но получилось наоборот. Первые два месяца я включалась в ситуацию. Теперь есть перечень задач, и в течение года кое-что мне уже удалось решить. Например, мы преобразили культурно-досуговый центр «Космос». Сейчас заканчивается ремонт городского центра культуры.

Поле для деятельности здесь непаханое. Мне хочется, чтобы новый образ получил музей, чтобы появился музейный комплекс, музей под открытым небом «Белоярская крепость». Новоалтайские библиотеки тоже хочется вывести на новый уровень не только с материальной точки зрения, но и с содержательной. Я очень люблю этот небольшой город, и счастлива, что мне Господь дает шанс и возможность приложить свои силы к его развитию. Городская культура — это не только коллективы, которые поют и пляшут. В первую очередь мы должны прививать культуру общения, культуру жизни.

— **Вы вернулись на родину, к родным местам и людям. Как Вы поддерживаете отношения внутри рода? Чем занимаются Ваши двоюродные братья и сестры, племянники?**

Я живу в Новоалтайске, и мне здесь хорошо. Здесь мои родственники со стороны

мамы и папы. Мы собираемся на дни рождения, на Рождество. Двоюродные братья и сестры живут также в Одессе, Киеве, Нью-Йорке, с ними, конечно, мы видимся нечасто. Племянники работают в сферах бизнеса, IT-технологий, медицины, журналистики, стали профессиональными музыкантами. Конечно, хочется встретиться когда-нибудь большой семьей, родом.

— **Можно ли говорить о родовом наследии в широком смысле слова? И если да, что бы Вы передали по наследству следующим поколениям? Есть ли то, что хотелось бы транслировать вперёд, в будущее?**

Во-первых, целеустремлённость. Невзирая ни на какие передрыги нужно не ломаться, выпрямиться и продолжать начатое дело. Родственников по линии мамы у нас отличает одна черта — негибкость.

В той или иной мере нас тянет к земле и к тому, что делали предки. Мы с сестрами держим огородики в удовольствие. Николай Степанович, живя в Кишинёве, завел огромную пасеку, организовал вокруг себя людей, издавал журнал о пчеловодстве, и даже в Америке продолжает это увлечение, уже с большим размахом. Это всё оттуда, из крестьянских корней.

Умение видеть жизнь на несколько шагов вперёд, планировать свой день, свою работу — тоже крестьянское. Я племянникам всегда говорю: «Когда принимаешь решение, ты сначала подумай, что будет через год, для чего ты это делаешь. Никто тебе ничего на блюде не принесёт, но постепенно ты небольшими шажками дойдёшь до своей цели». Вот эти мысли и навыки и хотелось бы, чтобы восприняли будущие поколения нашего рода.